

УДК 340.130

РЕЦЕПЦИЯ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

RECEPTION OF RIGHT AND LEGISLATION

В. А. РЫБАКОВ (V. A. RYBAKOV)

Рецепция права – неизменный инструмент развития национального права. Она отражает тенденцию сближения правовых систем. Игнорирование иностранного права препятствует процессам гармонизации и унификации национальных законодательств.

Ключевые слова: рецепция права, преемственность, терминология, менталитет, правотворчество.

Reception of right is invariable instrument development of the national right. It reflections tendency rapprochement many systems of right. Ignore foreign right is dangerously for harmonic and unification national right.

Key words: reception of right, succession, terminology, mentality, legislation.

Исходя из содержания используемых в правотворчестве норм, можно выделить несколько способов развития отечественного права: преемственный – он основывается на правовом наследстве своей страны, рецепции – в его основе лежат нормы иностранного права и трансформации (имплементации), когда законодатель использует нормы международного права. Предметом исследования в настоящей статье является рецепция права, её связь с правотворческим процессом. Названный аспект в отечественной литературе не нашёл должного освещения, но его актуальность не вызывает сомнения.

Понятие рецепции права широко используется в истории государства и права. В общетеоретическом плане научных публикаций очень мало. Авторы, занимающиеся данной проблемой, как правило, ограничиваются либо рецепцией римского права, либо рецепцией в отдельных отраслях права (по крайней мере, в нашей стране), а используемые в науке формулировки не отражают точного содержания термина «рецепция права».

Разночтения проявляются уже в самом определении рецепции права. Одни авторы понимают её как восстановление в действие ушедшего в прошлое правового материала (А. И. Косарев) [1]. Некорректность такого

вывода состоит в том, что он исключает заимствование иностранного права современных систем права. Другие – как восприятие той или иной страной элементов правовой культуры другой страны [2]. При таком подходе рецепция ограничивается лишь теоретическим признанием (восприятием правовых идей) без практического использования норм права.

Р. А. Насибуллин понимает рецепцию как применение закона чужой государственной власти, которую признали достаточно авторитетной для того, чтобы видеть в её установлении обязательную юридическую норму [3]. Однако применение закона – это государственно-властная деятельность по реализации права, а не заимствование иностранных норм.

По мнению М. Н. Марченко, рецепция – это адаптация права к новым историческим условиям, к новой государственно-правовой среде [4]. Формулировка весьма абстрактная и не отражает суть явления. Германский учёный Ф. Прингшайм считает, что «понятие рецепции настолько широко по своему значению, что легче назвать то, чего оно не обозначает» [5].

Исследование рецепции права усложняется тем, что в её описании используются

различные термины: «трансплантация» (О. В. Мартышин), «аккультация» (Карбонье, С. А. Арутюнов и Ю. В. Бромлей), «ассимиляция» (Тихомиров и др.) и др. З. М. Черниловский предлагает другой термин – «миграция правовых норм», в рамках которой выделяет рецепцию – переход норм из правовой системы одной формации в правовую систему другой и восприятие (или иммиграция) правовых идей, переходящих из страны в страну в рамках одной формации [6].

Проблемным остаётся пространственный, географический аспект рецепции права. Некоторые авторы ограничивают её сосуществующими национальными системами права, т. е. находящимися в одних временных рамках. Так считает, например, В. Н. Протасов. Рецепция, пишет он, – это «принятие элементов параллельных правовых систем, т. е. правовых систем других современных государств» [7].

Другие авторы неоправданно расширяют понятие рецепции, включая в неё не только правовой материал иностранных государств, но и материал собственной страны, беря его из предшествующих этапов развития отечественного права. В этом случае происходит отождествление рецепции права с его преемственностью.

Представляется, что рецепция права – это использование правового материала зарубежных стран в регулировании внутригосударственных отношений. Особенность определения в том, что оно указывает на внешний характер рецепции по отношению к национальному праву. В отличие от преемственности она выходит за пределы государства и означает взаимодействие с иностранными правовыми системами, отражает тенденцию сближения правовых систем, их унификацию. Преемственность в праве направлена на сохранение индивидуальности национального права.

Почему рецепция – способ развития права? *Во-первых*, потому что иностранный правовой материал является источником национального права. На это указывают учёные, занимающиеся теорией и историей государства и права. «Третий источник древнерусского права, – пишут Л. П. Белковец и В. В. Белковец, – право византийское, его рецепция» [8]. На роль византийского права

в формировании русского права указывал Я. Н. Щапов [9].

Во-вторых, рецепцию можно рассматривать как принцип правотворчества. Данное положение закреплено в учебной литературе. «Принцип, – утверждает О. А. Пучков, – предполагает, что всякий вновь разработанный нормативный акт должен опираться на уже известный положительный правовой опыт государств и цивилизации в целом. Это имеет особо важное значение в настоящее время – время свободного перемещения информационных потоков» [10].

В-третьих, рецепция – вид правотворчества. Такой подход прослеживается в работах проф. Ю. И. Гревцова. Он различает спонтанное правотворчество (правовой обычай), правотворчество посредством создания конкретных норм (правовой прецедент, кияс и т. п.), правотворчество посредством создания общих юридических норм (нормативно-правовые акты и юридическая доктрина) и, наконец, заимствование правовых ценностей, созданных прошлыми поколениями [11].

Особенность рецепции как вида правотворчества состоит в том, что творение права, нормативного правового акта не происходит. Он уже создан, существует в другой стране. Готовый образец лишь переносится на национальную почву.

Если рассматривать иностранный правовой материал как источник национального права, то его особенность проявляется в масштабности, в неограниченности временем и пространством.

Территориальная близость или отдаленность страны-донора для рецепции права существенного значения не имеет. Это могут быть и соседствующие страны, и весьма отдаленные. Хотя в древние и средние века предпочтения отдавалось близлежащим странам. Так, древнейшие японские законы, дошедшие до нас, во многом напоминают законы китайской династии Тан. Сама концепция права в Японии сложилась под влиянием китайской. Во главу угла она ставила «рицу», т. е. уголовный закон. Сама система получила название «рицуре», и её жестокость привела к тому, что к праву стали относиться отрицательно [12].

Первые вьетнамские правовые тексты, известные как кодекс Хонч Дук и кодекс

Гиа-Лонга, являются китайскими по происхождению [13].

Со временем сложились определённые центры государств-доноров. Примером такого феномена может служить рецепция римского права в континентальной Европе в эпоху Возрождения. Однако число таких географических центров невелико. Это Великобритания, США, континентальная Западная Европа, Китай.

Отношение к рецепции права неоднозначно. Некоторые страны относятся к ней отрицательно, отказываются от неё. Например, Япония в начале XVII в. осуществила меры по так называемому закрытию страны. Приказ центральной власти губернатору Нагасаки 1633 г. запретил под угрозой смертной казни любому кораблю покидать страну с целью прибытия в иностранный порт, а японским подданным – уезжать в другую страну. Японские подданные, проживавшие за границей, подлежали смертной казни, если они возвращались в Японию. Приказ 1636 г. запретил детям европейцев, проживающих в Японии, оставаться в стране. За нарушение этого правила была установлена смертная казнь. Усыновление японцами детей европейцев каралось смертной казнью. Все эти меры применялись неукоснительно вплоть до середины XIX в. В результате в японском обществе отсутствовали отношения с Европой свыше 200 лет [14].

Отрицательно относилось к рецепции права и Советское государство в период сталинизма.

В настоящее время едва ли найдутся страны, которые отказались бы от заимствования иностранного материала. Многие авторы указывают на его ценность и необходимость использования. Для развития правовая система, пишет Д. А. Пашенцев, должна получать мощный поток заимствований извне, без них она обречена на вырождение, которое будет сопровождаться преобладанием деструктивных, саморазрушающих тенденций. «Таким образом, – утверждает автор, – заимствования – благо для правовой системы» [15].

По мнению В. М. Пучинина и Р. В. Пузикова, для России рецепция права, так называемая «вестернизация» права, является одной из наиболее заметных закономерностей

современного этапа в развитии национального права [16]. Зарубежный опыт служит своего рода «зеркалом», глядя в которое можно уловить прежде не замеченные черты российской власти [17].

В этом отношении справедливы слова Рудольфа фон Иеринга: «Вопрос о рецепции иностранных правовых институтов является вопросом не “национальной принадлежности”, а простой целесообразности, необходимости. Никто не будет нести из далеких краёв то, что у него самого имеется аналогичного или лучшего качества. Только неразумный будет отказываться от коры хинного дерева лишь на том основании, что оно выращено на чужом поле» [18].

Осторожно, без оптимизма к рецепции права относится В. Н. Синюков. «Само по себе привлечение зарубежных государственно-правовых институтов, – пишет он, – ... не добавляет реципиенту цивилизованности и уж тем более не решает проблем его правовой культуры» [19].

Представляет интерес мнение Е. А. Твєряковой, которая рассматривает распространение зарубежных теоретических идей и концепций как правовой эксперимент. Она убеждена, что в ходе такого распространения проверяется весь «научный потенциал общества». Кроме того, использование иностранных концепций позволяет под новым углом зрения взглянуть на свои проблемы и, возможно, прийти к новым выводам [20].

Рецепция права – естественный процесс, и отказ от него, особенно в условиях построения новой для страны системы экономики, объективно протекающего процесса интеграции в международную систему взаимоотношений, нецелесообразен.

Рецепция права – благо для национального права при нескольких условиях. Прежде всего необходимо, чтобы заимствование правовых систем отдельной страной происходило с наибольшим учётом её вековых исторических ценностей, традиций и условий. Мировой опыт показывает, что только в этом случае она – положительный результат [21].

В значительной мере успешному заимствованию мешает механическое перенесение и «принудительное вживление» инородных правовых образований в государственно-правовую материю, внедрение в массовое сознание

либеральных идей в такой степени радикализма, которую не знают рыночные западные государства. Так произошло в России. Либеральная элита, находившаяся в положении политического меньшинства, компенсировала это качество своими позициями во власти и бизнесе, а также в информационной сфере. Была предпринята беспрецедентная по масштабам и напору атака на массовое сознание, имеющая целью доказать историческую ущербность русской цивилизации по сравнению с западной и необходимость смены цивилизационной парадигмы России [22].

Китайских конституционалистов и политиков не особенно смущает критика Западом политической системы КНР за отсутствие в ней либеральных начал. Отношение к использованию зарубежного опыта у жителей Поднебесной весьма прагматичное. Сунь Ятсен в своём «Плане промышленного развития Китая» ориентировался на то, что западные капиталисты помогут строить социализм в Китае. Мао Цзэдун также утилитарно подходил к марксизму-ленинизму: «...что из этого учения переварит китайский желудок – пойдёт на пользу, а что нет – пойдёт в отбросы» [23].

Рецепция в правотворческом процессе выполняет ряд функций, под которыми понимаются наиболее общие, важнейшие направления её воздействия на правовую систему, в том числе на форму, содержание и развитие права [24]. Выделяют функции субсидиарного правообразования, охранительно-исключающую, культурно-историческую, интеграционную [25].

Функция субсидиарного правообразования направлена на заимствование зарубежных норм и правовых институтов и последующего закрепления того, что реально достигнуто в других государствах в экономической, политической и социально-культурной сферах. Она проявляется в том, что при заимствовании правового материала происходит своеобразное дополнение правообразовательного механизма государства. Общественные отношения, не урегулированные национальными правовыми институтами, подпадают под регуляцию заимствованных норм, институтов и отраслей права. Функция субсидиарного правообразования действует при исчерпывающем ресурсе функции регулирования права.

Охранительно-исключающая функция выступает производной от функции субсидиарного правообразования рецепции права и от регулятивно-охранительной функции права. С одной стороны, она направлена на обеспечение нормального существования функции субсидиарного правообразования, а с другой, – не допускает развития ликвидированных рецепцией элементов правовой системы.

Культурно-историческая функция рецепции обеспечивает преемственную связь исторических этапов правового развития, даёт возможность сохранить и передать межнациональный правовой опыт.

Интеграционную функцию рецепция права проявляет в том, что через механизм рецепции идёт распространение институтов и правовых структур, их внедрение в инородные правовые системы. Происходит определённая консолидация и интеграция общепризнанных правовых ценностей. Это приводит к унификации и гармонизации права.

Рецепция как вид правотворчества представляется многим исследователям простым процессом. Однако это не так. Он весьма сложный и затратный. Трудности возникают уже в предпроектной стадии правотворчества, когда приходится изучать возможность восприятия тех или иных правовых конструкций. При рецепции иностранное право предстает перед законодателем как чуждая, малоизвестная система, требующая дополнительных усилий, связанных со знанием языка, с познанием психического склада нации, исторических традиций, господствующей правовой идеологии, сущности, эффективности, возможности усвоения заимствованного материала и встраивания его в социальную ткань общества. Рассмотрим две из перечисленных – трудности языковые и психологические.

Языковой фактор. Каждый язык отражает особенности соответствующей правовой системы. Язык есть выражение менталитета, традиций и обычаев, системы ценностей и идеологии народа – носителя данного языка. За переводом собственно языковых знаков всегда стоит сложная задача перевода текста правового документа с одной языковой и культурной ментальности на другую. Для того чтобы сделать это верно, необходимо «войти» в другую культуру и изложить

смысл переводимого с учётом языковой ментальности.

Задача усложняется тем, что один юридический язык должен быть переведён на другой юридический язык. «Юридический перевод, – утверждал Жак Керби, – представляет собой не только преобразование отрывка на одном языке в отрывок на другом языке, но и одной системы права в другую» [26].

Российский законодатель 1990-х гг. этот факт не учитывал. Становление российского права шло за счёт простого перевода зарубежного законодательства [27]. Многие нормативные правовые акты – «от указов президента и законов до самой Конституции – появлялись на основе переводов текстов с английского языка на русский» [28].

Подобный способ законотворчества поддерживался многими отечественными и зарубежными общественными деятелями того времени. Один из знаменитых западных философов современности К. Поппер прямо советовал российским законодателям: «Мне кажется очевидным, что в данном случае кратчайший (хотя, конечно, не вполне совершенный) путь – это заимствование Россией одной из утвердившихся на Западе правовых систем» [29].

Сказывается на сложности рецепции права и специфика терминологии. В каждом языке юридические термины обладают некоторыми отличительными особенностями словообразования и употребления, вызванными уникальностью каждого языка, культурой и научными традициями разных народов [30]. В английском праве имеется большое число терминов, которые практически непередаваемы, ибо не имеют аналогов среди институтов и категорий континентального права. Так, английское «право справедливости» не имеет ничего общего с понятием справедливости в том смысле, в каком им пользуется континентальное право [31].

Каждое государство имеет свою автономную юридическую терминологию, даже если оно использует юридический язык, который так же применяется в качестве такового и в другом государстве. Это особенно верно применительно к праву стран, относящихся к различным правовым семьям. В феодальной Японии «Обязательство» толковалось как «право делать» что-либо, или «воз-

держиваться от действий». А английская «свобода» (liberty) стала переводиться китайским термином, означавшим «произвол», «своеволие» [32].

Психологический фактор. Заимствованные правовые акты должны адаптироваться в суверенной национальной правовой системе, стать её частью, согласованной с другими нормами. На это уходит определённое время. И как показывает практика заимствования, рецепируемый материал не всегда вписывается в новую правовую систему. Целостность и гармоничность элементов национальной правовой системы не способствуют внедрению в неё чужеродных элементов. Отторжение чуждых элементов является имманентной особенностью действенной правовой системы.

Каждая правовая культура стремится при контакте с другой вычитать в ней «свое» (и интерпретировать её по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» её собственными ментальными средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно осудив его, дискредитировав, вытеснив или заменив его «своим»).

Как утверждает А. Тойнби, внедрение чуждой культуры есть процесс болезненный и тяжёлый. При этом «инстинктивное противодействие жертвы инновациям, грозящим разрушить традиционный образ жизни, делает этот процесс ещё более болезненным» [33].

Российские властные элиты не учитывали подобные обстоятельства и проводили «правовые реформы без учёта народного менталитета, без кропотливой работы по адаптации западных образцов права к российским условиям [34]. Успешному продвижению реформ, а следовательно, и неуклонному исполнению законов способствует создание такой социально-психологической среды, которая позволяла бы гражданам, юридическим лицам, институтам гражданского общества действовать осознанно и добровольно, избегать конфликта с законом.

Поэтому важно воспринимать иностранную правовую систему не только через её правовые нормы и институты, но и через правовую мысль, атмосферу и дух правопорядка, представление о действующем праве у лиц юридических профессий – судей, прокуроров, адвокатов, государственных служащих, а

также у населения. Каждая правовая система имеет свой собственный стиль, который не менее важен, чем юридическая техника. Национальный колорит, особенности конкретной ситуации всегда должны приниматься во внимание, так как в противном случае возникают поверхностные обобщения.

Для успешной рецепции права, как представляется, правотворческий орган должен осуществить ряд организационных действий, которые можно представить в следующей последовательности:

- сбор и анализ информации о состоянии и развитии законодательства зарубежных стран, практики его применения;
- оценка объективности отражения общественных потребностей в законодательстве зарубежных стран;
- согласование принципов иностранного права с национальным законодательством и практикой его применения;
- изучение и сопоставление зарубежного и национального опыта по применению приёмов юридической техники в законодательстве и практике его применения;
- анализ и оценка сравнительно-правовых данных о развитии законодательства и практики его применения, составление прогнозных рекомендаций и прогнозной модели [35].

Рецепцию права как акт добровольной воли следует отличать от насильственного привнесения чужеземного права (в результате войн или колониальных захватов). Происходивший в XVII–XX вв. процесс распространения права ряда европейских стран (Англии, Испании, Португалии) на территориях, превращённых ими в свои колонии (в Северной и Южной Америке, Азии, Африке). Многие исследователи эти случаи относят к рецепции права. Такого вывода придерживается, например, Л. А. Морозова. «Представляется спорным, – пишет она, – положение о том, что рецепция – это всегда добровольное заимствование чужого права» [36]. Включает в рецепцию насильственное распространение права (экспорт правового материала) В. К. Бабеев [37], А. Х. Саидов [38], К. В. Арановский [39]. Польский учёный Ю. Бардах различает «рецепцию принудительную и добровольную» [40].

Рецепция не имеет ничего общего ни с насилием, ни даже с самыми лёгкими и ка-

жущимися на первый взгляд безобидными формами принуждения. Это процесс сугубо добровольный, не терпящий никаких форм давления, а тем более принуждения и насилия. А именно так обстояло дело и во времена колониального господства, когда метрополии «вместе со своими товарами, капиталами и идеями экспортировали и своё право, насаждали его силой в колониях, протекторатах, в странах, оказавшихся в зависимости от европейского капитала» [41]. Колонизаторы приходили в захваченные страны со своими законами и судьями. Это особенно характерно для Англии, которая уже в начале XVII в. разработала политику юридической экспансии. Каждая колониальная держава навязывала своим владениям собственную правовую модель. Экспорт «правового капитала» не утратил своего значения и в наши дни, ибо экономически развитые страны стремятся оказывать на другие государства, и прежде всего на государства, освободившиеся от колониальной зависимости, всестороннее, в том числе и правовое влияние.

Насильственное внедрение правовых элементов одной страны в правовую систему другой, думается, представляет собой иное явление, отличное от рецепции, и, таким образом, не является санкционированным способом развития национального права.

Во-первых, это не заимствование, составляющее суть рецепции, а внедрение, «навязывание» чужого права, как правило, силовыми средствами;

во-вторых, внедрение (насильственный путь развития права) сопровождается отрицанием суверенитета государства и его национальной правовой системы, иностранный правовой материал не получает государственного санкционирования;

в-третьих, силовое внедрение нарушает системность национального права, делает её деструктивной, рождает дуализм правовой системы;

в-четвертых, внедрение элементов иностранного права совершается на принципиально иных основаниях и в совершенно других целях, чем рецепция. Оно диктуется не потребностями общества, а служит упрочнению европейской колониальной экспансии и европейской колониальной администрации в американских, азиатских и африканских

обществах, поддержанию созданной в их рамках европейскими колонизаторами системы колониальной эксплуатации.

Итак, рецепция права – разновидность правотворчества, обладающая своей спецификой и функциональным назначением.

1. Косарев А. И. Римское частное право. – М., 1998. – С. 206.
2. См.: Общая теория государства и права : в 3 т. / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2002. – Т. 2 : Теория права. – С. 293 ; История государства и права зарубежных стран. – М., 1996. – С. 196.
3. Насибуллин Р. А. Очерки зарубежного права. – Екатеринбург, 2005. – С. 224.
4. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. – М., 2002. – С. 88.
5. Цит. по: Томсинов В. А. О сущности явления, называемого рецепцией римского права // Вестник МГУ. Сер. Право. – 1998. – № 1. – С. 5.
6. См.: Ефремова Н. Н., Кузяковский В. В. Методологические проблемы всеобщей истории государства и права // Сов. государство и право. – 1979. – № 10. – С. 139.
7. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории государства и права. – М., 1999. – С. 121.
8. Белковец Л. П., Белковец В. В. История государства и права. – Новосибирск, 2005. – С. 24.
9. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М., 1978. – С. 5.
10. Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М., 2000. – С. 304.
11. См.: Всероссийская научная конференция «Источники (форма) права» // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 209.
12. Там же. – С. 206.
13. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности). – М., 2000. – С. 231.
14. Рубанов А. А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М., 1984. – С. 41. Подробнее см.: Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. – М., 1963. – С. 70–73.
15. Пашенцев Д. А. К вопросу о генезисе правовой системы России // Право и жизнь. – 2008. – № 3. – С. 520.
16. Пучинин В. М., Пузииков Р. В. Закономерности изменения права и правоохранительной политики в процессе глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 3. – С. 124.
17. Кеменева И. Методология и методика преподавания конституционного права зарубежных стран // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 6.
18. Цит. по: Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. – Т. I. Основы : пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 1998. – С. 30.
19. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию права. – Саратов, 1994. – С. 162.
20. Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 100.
21. Балута Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма // Государственная служба. – 2009. – № 5. – С. 12.
22. Казарина А. Х. Законность как правовая категория и социальное явление // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 5.
23. Методология и методика преподавания конституционного права зарубежных стран // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 6.
24. Курашев Е. Ю. Рецепция в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 71.
25. Там же.
26. Цит. по: Герард-Рене де Гроте. Язык и право // Журнал российского права. – 2002. – № 7. – С. 147.
27. Малешин Д. Я. Индивидуалистская модель права в России // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 22.
28. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 5.
29. Попер К. Р. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – С. 10.
30. Бульба М. С. Влияние исторического фактора на формирование юридических терминов систем во французском и русском языках // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Иностранный язык для специальных целей: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 466. – М., 2002. – С. 149.
31. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права : очерки сравнительного права. – М., 1981. – С. 74.
32. Черниловский З. М. Всеобщая теория государства и права. – М., 2002. – С. 238.
33. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – СПб., 1995. – С. 187.
34. Балута Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма // Государственная служба. – 2009. – № 5. – С. 12.
35. Радченко В. И., Иванюк О. А., Плюгина И. В., Цирин А. М., Чернобель Г. Т. Практические

- аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 7.
36. *Морозова Л. А.* Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. Рецензия // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 130.
37. *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. – М., 1978. – С. 79.
38. *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (Основные правовые системы современности). – М., 2000. – С. 354, 355.
39. *Арановский К. В.* Государственное право зарубежных стран. – М., 1999. – С. 11.
40. См.: Общая теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2002. – Т. 2. – С. 293.
41. *Жидков О. А.* История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма). – М., 1971. – С. 31.